

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Лев Амбиндер
РУКОВОДИТЕЛЬ
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Ждем решения Саратовского ОВИРа

Наша с вами, дорогие друзья, Ангелина Туйчиева (4 года, врожденный порок сердца, тетрада Фалло) поедет в Германию. Мы рассказали о беде Лины в „Ъ“ 24 ноября, и как стало известно на этой неделе, читатели „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru дослали последние деньги в оплату операции для Лины в университетской клинике немецкого города Аахен. Собраны все €75 830 (2 592 тыс. руб.), клиника готова принять девочку немедленно. Теперь только от компетентных органов Саратова, где живут Туйчиевы, зависят сроки операции. У Татьяны Туйчиевой, мамы Лины, пока никак не получается оформить заграничный паспорт.

Огромные деньги — €75 830 — были собраны нашими читателями всего за 12 дней, и путь в германскую клинику для Лины Туйчиевой теперь открыт
ФОТО ИРИНЫ ЧИХОВА

Если Татьяне не удастся получить паспорт до 15 декабря, то поездка может состояться в лучшем случае в первые дни января. Раньше не имеет смысла: с 23 по 26 декабря в Германии будут праздновать Рождество. А вот другой ваш крестник, москвич Паша Мулецов (см. „Ъ“ за 27 октября и 24 ноября), собирается из Германии домой. Я напомню: у Паши был нейрофиброматоз, глиома зрительных трактов и хиазмы, проще говоря, доброкачественная, но очень распространяющаяся в головном мозге опухоль. Наши доктора отправили Пашу в Мюнхен на борьбу с этой опухолью, здесь в нее был введен радиоактивный элемент «сеед» размером с рисовое зерно. Как мы уже сообщали, операция прошла успешно. Сейчас Паша с мамой в санатории под Мюнхеном, по словам немецких врачей, он демонстрирует улучшение общего состояния, моторики и чудесное дружелюбие. 12 декабря он вернется на пару дней в больницу, ему удалят элемент «сеед», и уже 14 декабря Мулецовы выезжают на родину. И вот еще новости.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца томичам Ирине Якименко (1 год, 186 600 руб.), Вите Осипову (15 лет, 195 196 руб.), Олегу Непомнящих (2 года, 181 196 руб.), операции стоимостью 191 196 руб. четырехмесячному младенцу Игорю Коношенку и Коле Ленкову, операции стоимостью 191 770 руб. кемеровчанам Андрею Дремову (12 лет) и Ксени Морозовой (14 лет), а также алтайцам Кристине Харченко (6 месяцев от роду, 186 600 руб.), Маше Туркиной (один месяц от роду, 191 196 руб.); операции по поводу сколиоза Лене Высоцких (14 лет, 173 060 руб., Челябинская обл.), Саше Блощицкой (16 лет, 185 384 руб., Тюменская обл.), Кате Перелешин (5 лет, 136 656 руб., Ростовская обл.), а также операции стоимостью 185 384 руб. Екатерине Иоффе (21 год) и Сергею Зайцеву (18 лет) из Иркутской области; лечение детского церебрального паралича Олегу Миндиарову (5 лет, 156 тыс. руб., Пермская обл.), Марине Козловой (14 лет, 130 тыс. руб., Красноярский край); челюстно-лицевые операции Руслану Крючкову (8 лет, 86 тыс. руб., Казахстан) и Артему Ковалеву (17 лет, 110 тыс. руб., Белгородская обл.); операция по эндопротезированию Татьяне Десовой (18 лет, 127 772 руб., Оренбургская обл.).
Отправлено: 747 600 руб. на операцию Ксюше Султановой (2 года, амплазия пальцев левой кисти, Ивановская обл.), 355 тыс. руб. на двухкомнатную квартиру семье инвалидов Наталье и Максиму Максимовым (Тульская обл.); 171 162 руб., телевизор и стиральная машина многодетной семье Самойловых (девять приемных детей, Санкт-Петербург); 137 380 руб. на бытовую технику, мебель и одежду многодетной семье Шипициных (Пермская обл.); 114 400 руб. на медицинский постельные белье Дине Блазуновой (8 лет, клеветной энцефалит, паралич, Карелия); 73 200 руб. на оплату услуг сиделки Маше Окорочковой (18 лет, жертва аварии, Москва); 56 100 руб. на слуховые аппараты Диме Якушеву (11 лет, Московская обл.); 30 465 руб. на подъемник для ванны Евгению Красноперову (24 года, инвалид первой группы, Московская обл.).

Помогли: Благотворительный фонд «Русский дар жизни», Анатолий и Нина (США), Ирина Борисовна (Австрия), Виктория от руководителя, Яков Максимович, Экоацбанк, ЗАО «ТПГ „Кузнецов“», компания «Компьюлинк», Герман Борисович, Инна от руководителя Владимира, Андрей Сергеевич, два Олега, Валерий, четыре Александра, Игорь, Александр Васильевич, Светлана от руководителя, Андрей Евгеньевич, Нина Валентиновна, Роман, Юлия, Михаил, два Алексея, Илона, Сергей, Алла, Алина, три Андрея, Виктория, Владимир, Петр, две Ирины, две Натальи, Анна, Вениамин, Нина, Татьяна, Валерий Геннадьевич, Антон, Константин, Мария, Екатерина, два Юрия, Матвей, Любовь, Филипп, Владислав Анастольевич, Герман, Дмитрий Ильич, Виталий, Евгений (все — Москва).
Спасибо!

Сознание ужасно

Наташе Колмогоровой нужна трансплантация костного мозга

Наташе Колмогоровой тринадцать лет, и у нее такой лейкоз, что без трансплантации костного мозга не выжить. Ей очень больно. Этой девочке так больно, что она уже несколько раз просила смерти.

— Наташа, очнись, Наташенька, открой глаза! — Мама склоняется над Наташиной кроватью. — Наташа, посмотри на меня! Наташа!
Девочка лежит навзничь, красивая, белоснежная. У нее прозрачная кожа, и видно, как по тонким голубым венам на шее течет катастрофически большая кровь.
— Наташа! Очнись! Наташа! — Я стою чуть поодаль у спинки кровати.
Девочка размывает веки, но под веками — пустые белки. Глаза закатаны под лоб. Девочка слышит, как мы зовем ее, но не может к нам вернуться или не хочет возвращаться к нам.
— Наташ, ну чего ты? — говорит пришедший вместе со мной фотограф. — Посмотри на меня, я тебя сфотографирую только и не буду больше мучить.
Наташина мама торМОшит девочку и рассказывает, что девочка никогда не болела и никогда не испытывала боли. Они из города Шадринска Курганской области. Больше всего на свете Наташа любит возиться со своей младшей сестренкой. Наташина мама показывает мне фотографии, там Наташа держит на руках девочку-младенца, и у обеих счастливые лица. Когда Наташа заболела, в Кургане ей первый раз сделали костномозговую пункцию без наркоза. Врачи вообще стараются делать пункцию без общего наркоза, чтобы побережь сердце и печень ребенка. И Наташина мама рассказывает, как девочка выла. Как зверь. Наташа не предположила, что в ее мире, насыщенном весельем младенцами и пушистыми зверушками, может быть такая боль.
В Екатеринбурге Наташиной маме сказали, что лечить девочку возьмутся за два миллиона рублей. В Челябинске сказали, что возьмутся лечить за шестьсот тысяч. Наташи-

на мама плакала, потому что знать не знала, каких невероятных денег может стоить лечение ребенка. Наташина бабушка собрала по знакомым деньги на самолет и отправила Наташу с мамой в Москву. Здесь в Федеральном центре детской онкогематологии лечат бесплатно, если только ребенку не требуется трансплантация костного мозга. Но у Наташи такой лейкоз, что требуется трансплантация. Здесь пункции делают под наркозом, раз уж девочка так чувствительна к боли. Сегодня утром Наташе делали пункцию. Она была под наркозом. Наркоз давно должен был уже пройти, и Наташа давно должна была бы проснуться, но она не может или не хочет возвращаться в сознание.
Сознание ужасно. Когда Наташа не под наркозом, она отворачивается к стене и молчит. Она не встает, потому что ее тошнит, если встать. Месяц за месяцем она лежит лицом к стене и молчит. К ней заходит врач, но она не разговаривает с врачом. К ней приходят волонтеры развлекать ее, но она молчит и с волонтерами. Какой-то мальчик по имени Тимон пишет Наташе письма по электронной почте и эсэмэски каждый вечер: «Наташчик, привет, скоро Новый год. В магазинах продают всякую мишуру и игрушки. И ты не останешься без сюрприза, будь уверена». Наташа не отвечает на эсэмэски Тимона.
Ночью, когда в палате никого нет, кроме Наташи и ее мамы, девочка иногда говорит: «Мама сделай что-нибудь, чтобы я умерла. Я не могу больше терпеть эту боль». Или девочка говорит: «Мама, сделай что-нибудь, чтобы я умерла, у тебя вместо меня будет сестренка».
— Наташа! Наташа! Очнись! — Мама склоняется над девочкой. — Скажи что-нибудь, открой хотя бы глаза. Тут к тебе из газеты приехали.
За крошкой Наташиного века ненадолго, как северное солнце, появляется четверть зрачка. И снова закатывается под лоб.
— Наташа! — Я не знаю что говорить, я никогда не брал интервью у детей без сознания. — Мы даже не из газеты, мы из книжки. Посмотри на нас. Вот я Гендальф, а он, — я по-

казываю на фотографа, — он эльф. Посмотри, какие у него острые уши. Мы вообще из фильма. Я Кинг-Конг, а он Годзилла. Очнись!
Наташа открывает глаза. Огромные, красивые, серые, испуганные, любопытные.
Мне хочется сесть с нею рядом, взять ее тоненькие пальцы, посмотреть ей в испуганные глаза, говорить, что боль пройдет. Что надо терпеть. Что если боль нестерпима — терять сознание, а если не терять сознание, значит, боль можно терпеть. Что я видел десятки детей, больных раком крови, и они выздоровели. Что когда выздоравливаешь, боль забывается. Что нельзя хотеть смерти. Мы найдем денег. Нельзя хотеть смерти. Мы найдем лекарств. Нельзя хотеть смерти. Надо вставать и ходить. Нельзя хотеть смерти. Надо отвечать Тимону на эсэмэски. Нельзя хотеть смерти.
— Наташа! Ты слышишь меня? Девочка закрывает глаза и теряет сознание снова. Фотограф едва успевает снять несколько кадров, где Наташа с открытыми глазами. На самом деле все, что я хотел сказать ей, неправда. Я видел много детей, больных раком крови, но выздоровело из них столько же, сколько умерло. На самом деле я знаю, что боль нестерпима. На самом деле я не уверен, что мы добудем донора костного мозга и доставим лекарства. На самом деле Наташе нужен донор и нужны лекарства, а не моя сопливая сутулка.

Не зная, слышит ли меня девочка, я говорю:
— Наташа, до свидания, выздоравливай. Девочка едва заметно шевелит пальцами. Это вместо прощания.
Валерий Панюшкин

ЧТОБЫ СПАСТИ 13-ЛЕТНЮЮ НАТАШУ, НАДО ЕЩЕ 774 863 РУБ.

Как заявил заместитель директора Федерального центра детской онкогематологии Алексей Масчан, у Наташи «острый лимфобластный лейкоз с неблагоприятными генными перестройками». Обычно такая форма лейкоза встречается у взрослых людей. Этот вид рака крови отличается от других тем, что «практически не позволяет достичь полной ремиссии при консервативных методах лечения: препаратом гливек и химиотерапией». Раньше или позднее у больных случается рецидив болезни. Трансплантация донорского костного мозга тут неизбежна, она единственная

способна вернуть здоровье. В случае удачной трансплантации у Наташи очень приличные шансы на спасение, не меньше 70%. В этой клинике уже было трое таких больных, все трое здоровы. Наташе проведен первый блок интенсивной химиотерапии, сейчас проводится второй. По словам доктора Масчана, «пока достигнута относительная ремиссия». К несчастью, родственники Наташи в качестве доноров не подошли. Впрочем, родственников у нее мама да младшая сестра.
В поисках неродственного донора наши врачи обращаются в немецкий

Фонд Морша. На счастье Наташи первый же запрос в Германию выявил 614 потенциальных доноров. Более того, 27 ноября, не дожидаясь обычной предоплаты в €15 тыс., под залог Российского фонда помощи Фонд Морша начал поиск оптимального кандидата из этих 614. Мы очень надеемся, что полную стоимость спасения Наташи удастся собрать в течение ближайших недель и к тому времени объявится донор.
Цена спасения 1049 795 руб. Помимо €15 тыс. за поиск и активацию донора требуются 526 600 руб. на препараты. Как обычно, наш постоянный партнер инвестиционная группа «Капиталь» внесет \$10,5 тыс. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, недостаёт еще 774 863 руб.

Из свежей почты

Женя Калганов, 1 год 9 месяцев, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 143 100 руб.
Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 47 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 96 100 руб.
Мы с мужем состоим в браке 16 лет, а детишек все не было, и мы долго лечились. Когда УЗИ показало двойню, мы были счастливы. На 32-й неделе открылось кровотечение, меня срочно оперировали. Когда я очнулась, сказали, что дети в порядке. Потом узнала, что через 40 минут после родов малыши стали задыхаться и посинели, что легкие не раскрылись, а другие органы не сформировались. Через неделю Саша умер. Женю крестили в реанимации. У него нашли ДЦП. Развивается Женя с задержкой, плохо набирает вес, беспокойный, часто плачет. Руки и ноги в спастике, голова не держится. Не сидит и не ползает. Видит слабо, речи нет. В поисках иного лечения я вышла на Институт медтехнологий (ИМТ). И после первого курса появилась надежда восстановить ребенка. Врачи говорят, интеллект сохранен. Но пролечиться надо до трех лет, пока мозг активно формируется. Следующий курс 15 января 2007 года, нам самим не удается найти денег. Я следователь ОВД, а муж мастер на Уралвагонзаводе с окладом 10 тыс. руб. Пожалуйста, помогите! Наталья Калганова, Свердловская область
Невролог ИМТ Ольга Тарасова (Москва): «Возраст Жени дает надежду на хорошее развитие его двигательных и психоэмоциональных функций. Только лечение нельзя прерывать».

Катя Касьяненко, 14 лет, врожденный сколиоз 4-й степени, горб, спасет срочная операция. 185 384 руб.
Внимание! Русь-банк внес 75 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 110 384 руб.
Пишет вам Катя из Казахстана. Я хорошо учусь в восьмом классе, живу с мамой и папой. Мама работает оператором на заводе, а папа электриком. Был младший брат Денис, но он попал под машину и умер. Мама сказала, что у нее больше не будет детей. А у меня с рождения искривление позвоночника. В этом году мы с папой ездили к врачам в Новосибирск, и они сказали, что нужно делать операцию, искривление уже крайне большое. У нас это не лечат, только в России. Операция очень дорогая, а денег у нас только на продукты хватает. Горб все растет. И инвалидность не дают. Родители очень нервничают и боятся за меня, я слышу, что они по ночам не спят. Я хочу стать здоровой и стройной, как другие девочки. Надоело прятаться, кутаться в огромные свитера и купаться в одежде. Помогите мне, я этого никогда не забуду. Катя Касьяненко, Казахстан Заведующий отделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловичский: «Девочка с грубой грудной деформацией позвоночника. Прогрессирующий (80 градусов) кифосколиоз с тремя дугами, задний реберный горб. Полноценного лечения не получала. Только операция решит все проблемы».

Женя Колотков, 14 лет, врожденное недоразвитие челюстей, требуется лечение. 158 тыс. руб.
Внимание! Удалось собрать 59 тыс. руб. Не хватает 99 тыс. руб.
Близнецов я воспитываю одна. Муж после развода не работал, алиментов, конечно, никаких. А я продавец в магазине, зарплата всего 3,5 тыс. руб. Мальчики мои в седьмом классе. Саша (он на 15 минут старше) здоров, а с Женей беда: у него с рождения нет правого уха, лицо несимметричное, нос влево ушел, рот не открывается, глаза всегда полузакрыты. Женя, хоть и занимался в детстве с логопедом, до сих пор не все звуки произносит. Четыре года назад ему поставили было силиконовый протез ушной раковины, но у него на него кожу, но ухо загноилось. Протез и сняли, только рубец добавился. А чтобы убрать рубец, пересадили кожу с руки, и ухо вообще на щеку съехал. Когда мы попали к профессору Рогинскому, он меня отругал: поздно обратились, не лечить взялся. Лечение в несколько этапов и не по моим доходам. Не откажите! Оксана Колоткова, Татария
Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Прежде надо восстановить симметрию лица Жени и выправить прикус. Сочетание аппаратно-хирургического способа и ортодонтического лечения даст хороший результат. А затем уж пластика ушной раковины. Это потребует терпения и денег».

Дима Уголков, 11 лет, глоблостома мозжечка головного мозга, жизненно необходим препарат темодал. 156 тыс. руб.
В сентябре у Димки внезапно началась рвота. В поликлинике его начали лечить от гастрита, но не помогало. Я настояла, чтобы положили в больницу. Там диагностировали опухоль мозжечка правого полушария, оперировали и направили в Москву, в Институт рентгенодиагностики. Сейчас Диме проводят второй курс лучевой и химиотерапии. Чтобы опухоль не развивалась, нужен регулярный прием темодала. Нам выделили его лишь на три дня. Если не найдем еще 20 коробок темодала, лечение потеряет смысл. Самим лекарством не купить. Вчетвером живем на зарплату мужа-рабочего в 11 тыс. руб. Я сейчас неотлучно при Диме. Старший сын Максим в 11-м классе. Раньше жили в общежитии, но मुшка ко мне не прощивали, теперь мы снимаем комнату либо коучем по родственникам. Помогите! Татьяна Уалкова, Калужская область
Заведующий отделением Института рентгенодиагностики Олег Шербенко: «На глоблостома воздействует только лучевая терапия на фоне приема темодала. Он угнетает развитие раковых клеток, усиливает действие радиотерапии. Мы не можем обеспечить Диму этим препаратом: квоты исчерпаны. Если родители купят 20 упаковок по 20 мг, мальчик будет жить».

Ира Каралок, 9 лет, врожденный порок сердца, тетрада Фалло, спасет срочная операция. 191 196 руб.
Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес \$2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 125 746 руб.

Моло, помогите! Моему девочку спасет только срочная операция на открытом сердце. Ириша с рождения под контролем Томского кардиоцентра (ТКЦ). Муж, узнав диагноз, просто исчез из нашей жизни. Я оставила работу воспитателя детсада и устроилась вечерней уборщицей в университет. Платят 5 тыс. руб., зато я все время с дочкой, она часто болеет, быстро утомляется. В семь месяцев от роду у Иры резко повысилась легочная гипертензия. Надо было срочно оперировать, но в ТКЦ тогда не было аппарата искусственного кровообращения для младенцев. Коронарное шунтирование провели в Новосибирске. Ира сразу начала расти и развиваться, а с шести лет состояние ухудшилось. Ее поддерживали медикаментозно, но в октябре резкое ухудшение: камеры сердца увеличились на 300%! Мы с Иришкой живем в общежитии, доходы грошевые, а операция безумно дорогая. Ольга Каралок, Томская область
Ведущий специалист НИИ кардиологии Томского НЦ РАМН Сергей Иванов: «Мы надеялись, что состояние Иры стабилизируется, но сейчас сердечная недостаточность и размеры камер сердца критические. Срочно по жизненным показаниям необходимо протезировать трехстворчатый клапан».

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсант». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Реше помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затае понравилась: всего собрано свыше \$13,1 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям створших самарских милиционеров, 153 семей пострадавших от взрывов в Москве и Волгоградске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».
Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50; **www.rusfond.ru**; e-mail: **rfp@kommersant.ru**.
Телефоны: (495) 943-01-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00.
Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Врачи получили точные датчики

Имена двух девочек — 12-летней Саргыланы Андросовой из Якутии и 17-летней Ани Борцановой из Саратовской области — знакомы нашим читателям. Мы оплатили их лечение в Российском научном центре рентгенодиагностики. Только вы вряд ли знаете, что с вашей помощью их спасли там еще от одной, неожиданной беды. Их сердца в любой момент могли остановить тромб. Он был вовремя диагностирован, а девочки вылечены. Мы оплатили покупку современной аппаратуры для центра, и у его врачей появилась гораздо больше возможность лечить детей.
Помните, мы в апреле писали о пятилетней Маше Малиновской? У нее была опухоль головного мозга, и врачам единственного в России детского радиологического отделения приходилось обучать опухоль наудач: не хватало современных датчиков. А еще мы рассказывали о трехлет-

17-летняя Аня Борцанова и 12-летняя Саргылана Андросова спасены благодаря аппаратуре, которую оплатили читатели „Ъ“

не было в отделении специально-го датчика для УЗИ, чтобы определить это наверняка.
А теперь тяжелобольных детей можно лечить не только с помощью флюстера и врачебной интуиции. К стоящему в отделении аппаратуру УЗИ GE Logic-7 присоединен кардиосекторальный датчик 2,5–3,5 МГц. Вместе с программным обеспечением датчик стоил почти 508 тыс. рублей. Эти

деньги собрали вы. И очень помогли и Маше, и Илоше, и Наде. Открывается дверь процедурного кабинета, и мама вносит на руках трехлетнего сына Савву. У него опухоль головного мозга. Бледный замученный ребенок, только глаза блестят. «Плохо дело», — едва успеваю подумать так, как доктор удивленно спрашивает: «А чего это мы сами не ходим?»
«А мы сами только когда в настроении», — отвечает мама, а я замечаю, что мальчишка совсем чуть-чуть, но улыбається.
Лечение опухолей серьезно воздействует на сердце. Под воздействием облучения может образоваться тромб, который грозит убить ребенка. И вот с помощью новой (вашей, дорогие друзья!) аппаратуры мы смотрим сердце Саввы. По предварительному диагнозу, у него увеличен сердечный клапан. Это предположение подтверждает датчик. Доктор берет датчик, и на монито-

ре отражается сердце ребенка. Доктор переключает режим, и я вижу, как по сердцу течет кровь. Доктор еще раз переключает режим, и я начинаю слышать звук, с которым по сердцу мальчишка течет кровь. Очень своеобразная мелодия, ни на что не похожая в принципе. Доктор говорит, что если мелодия ровная — с сердцем все хорошо. Если появляется диссонанс, это позволяет заметить и предупредить болезнь. У Саввиного сердца мелодия ровная.
Доктор берет другой датчик — тот, что был в детском отделении раньше. Картинка сразу меняется. Сердце тускнеет, часть становится вообще не видна. Если с помощью этого датчика искать опухоль мозга или тромбы, он будет давать такую же тусклую, неуверенную картинку.
За прошедшую осень обследованы с помощью нового датчика выявили развивающиеся тромбы у двух ваших «крестников», которые лечились в центре рентгено-

радиологии, Саргыланы Андросовой и Ани Борцановой. Тромбы были вовремя вылечены.
К слову, лечащиеся в центре дети гуляют в маленьком внутреннем дворике центра, где на деньги наших читателей была обустроена детская площадка. Дети, которые там лечатся, нельзя гулять просто по улице: у них ослаблен иммунитет, и им опасна любая инфекция. А на остаток читательских средств руководство отделения купило новые кровати и тумбочки. Старым было лет по двадцать, а Минздравсоцразвития отчего-то деньгами Центр рентгенодиагностики не балует.
Заведующий детским отделением Олег Шербенко подарил мне свою брошюру о лучевой терапии для детей. Называется «Все не так страшно!». Показалось, что звучит слишком оптимистично. После того как я увидел результат вашей помощи, оптимизм врача стал понинг гораздо больше.
Андрей Козенко